

«Завтра я должна умереть...»

Константин Ситников

Накинув носовой платок на лицо и вытянув скрещенные ноги, без сюртука, в одной сорочке, жилетке и серых панталонах, Зигмунд Фрейд полулежал в соломенном кресле на лужайке перед замком. Свежий номер «Таймса», который был развернут на заметке об итогах ежегодного фестиваля садоводства и ландшафтной архитектуры, выпал у него из рук. Денек выдался на удивление теплым, располагающим к лени, особенно в послеобеденное время.

Я примостился у ног Фрейда, бросив на коротко постриженную траву летнее пальто, и с удовольствием наблюдал, как молодой лорд Палмерстон гарцует на гнедом жеребце по присыпанной красным песком дорожке. Легавые — два желто-пегих английских сеттера — с высунутыми языками носились взад-вперед по лужайке, расшвыривая в стороны комья земли и пучки травы.

Глядя на то, с какой беззаботностью молодой лорд резвится со своими любимцами, я подумал: неужели его совсем не огорчила вчерашняя неудача на фестивале садоводства? А ведь он честолюбив, очень честолюбив, хотя и с чисто английской сдержанностью предпочитает не выказывать этого. И еще: в который уж раз я не мог не подивиться тому, как порой причудливо складываются обстоятельства нашей жизни. Казалось бы, что может быть общего между недоучившимся студентом Московского университета, знаменитым венским психиатром и молодым английским лордом? А вот поди ж ты!.. Только благодаря счастливой случайности я встретился с Фрейдом и стал его личным секретарем. И опять же чисто случайно одна из последних работ Фрейда по истерии попала в глаза лорду Палмерстону, а потом он случайно узнал, что ее автор находится сейчас в Лондоне. И вот уже четвертый день мы катаемся на лошадях, валяемся на травке и вообще с завидным усердием предаемся благословенному ничегонеделанию.

Фрейд всхрапнул и причмокнул губами под носовым платком. Я приподнялся на локте, чтобы взглянуть на него, потом сел и увидел, что со стороны замка по красной дорожке спешит человек с пышными бакенбардами; это был приказчик лорда. Под мышкой он держал большую белую книгу. Заметив его, лорд Палмерстон придержал жеребца. Поравнявшись с хозяином, приказчик принял его с чем-то торопливо докладывая, после чего лорд Палмерстон кивнул и направил жеребца к замку. Приказчик рысцой побежал за ним. Спрыгнув на землю, лорд препоручил жеребца груму, распорядился насчет собак и направился к нам. На нем были красная куртка, жокейская шапочка, белые лосины и высокие сапоги с блестящими голенищами; в руке тонкий черный хлыстик. Запыхавшийся приказчик с большой книгой, которая так и норовила выскользнуть у него из-под мышки, поспешал следом.

— Прекрасный денек, джентльмены, не правда ли? — сказал лорд Палмерстон сочным баритоном отменно здорового человека.

При его приближении я поднялся и отряхнул пальто. Фрейд заворочался, снял с лица платок и прикрыл усы ладонью. Взгляд у него на мгновение сделался совсем осоловелым. Он что-то пробормотал по-немецки и попытался выбраться из продавленного кресла.

Лорд Палмерстон опустился в кресло напротив, вытянул ноги и продолжил:

— Такой денек просто должен был ознаменоваться каким-нибудь приключением, вы не находите?

Фрейд вытащил из внутреннего кармана пальто недокуренную сигару и с любопытством взглянул на лорда:

— Вы сказали: должен был? Означает ли это, что он уже им ознаменовался?

— Можно сказать и так, — согласился лорд.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

— Тогда расскажите нам об этом приключении.

— Оно еще не закончилось. Собственно, для нас оно еще и не началось. Если хотите, я расскажу вам о нем, и мы сообща решим, стоит ли нам в него пускаться. Согласны?

— Рассказывайте! — горячо предложил Фрейд.

— Доставьте нам такое удовольствие, — добавил я.

Лорд Палмерстон поудобней устроился в кресле и начал:

— Вы знаете, джентльмены, что в Лондоне у меня есть цветочный магазин, в котором работает старичок, прекрасно разбирающийся в цветах?

— Было бы удивительно, если бы вы наняли человека, который в них не разбирается, — не удержался от замечания Фрейд.

— Вы абсолютно правы, — согласился лорд Палмерстон. — Но это не просто человек, который прекрасно разбирается в цветах. Это человек, который прекрасно разбирается в цветах и во всем, что с ними так или иначе связано.

— Какое отношение это имеет к вашей истории?

— Самое непосредственное.

— Итак, — заключил Фрейд, выпуская из усов струйку дыма, — нам предстоит услышать историю о старичке, который торгует цветами.

— И о том странном посетителе, который появился в магазине два дня назад. Одет он был во все черное, и на его лоб была надвинута широкополая шляпа, из-под которой лихорадочно поблескивали черные глаза. Держался он с достоинством, и все выказывало в нем джентльмена. «Моя жена очень больна, — сказал он. — Она попросила меня купить ей корзинку цветов». — «Каких желаете, сэр?» — обратился к нему Уильямсон.

— Значит, этого старичка, торгующего цветами, зовут Уильямсон, — вставил Фрейд.

— Совершенно верно, — подтвердил лорд Палмерстон и продолжил: — В ответ посетитель отогнул край перчатки, взглянул на вложенную в нее записку и прочитал: «Олеандр, тамариск, амариллис и можжевельник». — Тут лорд обвел нас внимательным взглядом и медленно произнес: — Станный набор, джентльмены, не правда ли?

— Я ничего не понимаю в растениях, — пренебрежительно отмахнулся Фрейд.

— А вам эти названия тоже ничего не говорят, господин Смирноу? — обратился ко мне лорд Палмерстон.

— Боюсь, что нет, сэр.

Лорд Палмерстон удовлетворенно кивнул.

— Дальше было так, — продолжил он. — «Это очень необычный заказ, сэр, — сказал Уильямсон, пристально глядя посетителю в глаза. — Вам повезло, что вы заглянули именно в наш магазин». — «Да, — кивнул посетитель, — моя жена пожелала, чтобы я спросил эти цветы именно у лорда Палмерстона. Только там поймут мою причуду, так она сказала». — «Простите, сэр, — с волнением в голосе проговорил Уильямсон, — это, разумеется, не мое дело, но не могли бы вы удовлетворить мое любопытство: что натолкнуло вашу жену на столь необычный выбор? Видите ли, я уже десять лет

ЯЗЫК ЦВЕТОВ

(Из лондонской «Грушевой энциклопедии». Оригинал: «Pear Cyclopaedia», London, 1903)

А
 Адонис, или горичвет (*Adonis gen.*) — печальные воспоминания.
 Азалия (*Azalea spp.*) — умеренность.
 Азалия индийская — верна до конца.
 Акант, или аканф (*Acanthaceae fam.*) — изящные искусства; ловкость, выдумка.
 Акация (*Acacia spp.*) — целомудренная любовь.
 Акация розовая — эlegantность, изящество.
 Акация желтая — тайная любовь.
 Алоэ (*Aloe gen.*) — горе, болезнь.
 Алтей (*Althea gen.*) — убеждение, убедительность.
 Амарант, или бархатник (*Amaranthus gen.*) — бессмертие, неувядающая любовь.
 Амарант шарообразный (*Comphrena globosa*) — неизменен.
 Амариллис (*Zephyranthes amaryllidaceae*) — ожидание.
 Амброзия (*Ambrosia*) — любовь вернулась.
 Ангелика, или дягиль лесной (*Angelica hirsuta*) — вдохновение.
 Андромеда, или подбел (*Andromeda*) — самопожертвование.
 Анемон полевой, или ветреница (*Anemone*) — болезнь.
 Анемон садовый — покинута.
 Анютины глазки (*Viola arvensis*) — ты заняла мои мысли.
 Аронник (*Arum gen.*) — пыл, рвение.
 Астра китайская (*Collistephus chinensis*) — разнообразие.
 Астра китайская одинарная — я подумаю об этом.
 Астра китайская двойная — я разделяю ваши чувства.

Б
 Базилик (*Ocimum gen.*) — ненависть.
 Бальзамин (*Impatiens gen.*) — грядут радости.
 Бальзамник (*Amyris gen.*) — сочувствие, симпатия.
 Барбарис (*Berberis vulgaris*) — горечь; раздражительность; резкость; плохое настроение; гнев.
 Бегония (*Begonia gen.*) — темные мысли.
 Безвременник, или шафран луговой (*Colchicum autumnale*) — мои лучшие дни миновали.
 Белена (*Hyoscyamus niger*) — несовершенство.
 Белладонна, или сонная одурь (*Atropa belladonna*) — молчание, безмолвие.
 Береза (*Betula albo*) — кротость, мягкость.
 Болиголов крапчатый (*Conium maculatum*) — ты будешь моей смертью.
 Боярышник (*Crataegus gen.*) — надежда.
 Бузина, самбук (*Sambucus spp.*) — усердие.
 Бук (*Fagus gen.*) — процветание, благосостояние.
 Буквица (*Betony gen.*) — удивление, сюрприз, неожиданность.

Бурачник (*Borago gen.*), бурачник лекарственный, огуречник (*Borago officinalis*) — резкость, тулость.
 Бурачок (*Alyssum gen.*) — достоинства сверх красоты.

В
 Василек (*Centaurea spp.*) — счастье, удача.
 Василек голубой или синий (*Centaurea cyanus*) — деликатность, утонченность, нежность, чувствительность.
 Вахта (*Menyanthes gen.*) — покой, отдых.
 Винная ягода, или инжир, фи́га — спор.
 Вишня, вишневое дерево (*Cerasus gen.*) — хорошее образование.
 Вишня зимняя — обман, ложь.
 Водосбор (*Aquilegia gen.*) — безрассудство, глупость.
 Водосбор красный — страстно желающий и трепещущий.
 Водосбор пурпурный — решительность, решимость.
 Волче лыко (*Daphna mezereum*) — желание доставить удовольствие.
 Ворсовальная шишка, или ворсянка (*Dipsacus fulionum*) — мизантропия; докуча.
 Выюнок (*Convolvulus gen.*) — узы, неопределенность.
 Выюнок большой — тающие надежды.
 Выюнок малый — ночь; смирение, покорность.
 Выюнок розовый — достоинство, поддержанное рассудительной и нежной привязанностью.
 Вяж, или ульм (*Ulmus*) — достоинство, сан.

Г
 Гвоздика садовая красная (*Dianthus caryophy*) — увы моему бедному сердцу!
 Гвоздика полосатая — отказ.
 Гвоздика желтая — презрение, пренебрежение.
 Гвоздичное дерево (*Pimenta officinalis*) — сострадание, жалость.
 Гелиотроп (*Heliotropium gen.*) — преданность.
 Георгин (*Dahlia gen.*) — непостоянство.
 Георгин одинарный — хороший вкус.
 Герань алая (*Geranium gen.*) — утешение, успокоение.
 Герань розовая — предпочтение.
 Герань темная — меланхолия.
 Гиацинт пурпурный (*Hyacinthus*) — печаль.
 Гладиолус, или шпажник (*Gladiolus gen.*) — сила характера.
 Глоксиния (*Sinningia gen.*) — знатная красота.
 Горечавка (*Gentiana gen.*) — ты несправедлива.
 Горчица (*Sinapis*) — безразличие.

Д
 Дикий бадьян (*Origanum dictamnus*) — рождение.
 Дикий бадьян белый — страсть.
 Дионея (*Dionaea gen.*), а также ендырь (*Arocynum gen.*) — обман.
 Дуб виргинский (*Quercus virginiana*) — свобода.
 Дубровник обыкновенный (*Teucrium chamaedriss*) — облегчение.
 Дымянка аптечная (*Fumaria officinalis*) — хандра.

торгую цветами и за все это время ни разу не встречался с подобным заказом». — «Я с удовольствием удовлетворил бы ваше любопытство, — ответил посетитель, — но, поверьте, я и сам не знаю, что заставило ее выбрать именно эти цветы. Честно говоря, я понятия не имел, что ее выбор необычен». — «Тогда, сэр, — решительно сказал Уильямсон, — позвольте мне дополнить вашу покупку еще одним скромным букетиком за счет заведения». И, выполнив заказ, он сунул в корзинку букетик анютиных глазок и льняную метелку. Посетитель расплатился и вышел из магазина.

— Вот как? — пожал плечами Фрейд. — Признаться, я ничего не понял из вашего рассказа. Надеюсь, у этой истории есть продолжение?

— Да, и сейчас вы его услышите.

— В противном случае я был бы очень разочарован.

— А вы, господин Смирноу?

— Признаться, сэр, я понял еще меньше. Но раз вы говорите, что будет продолжение, то я хотел бы узнать его.

— В таком случае, джентльмены, я продолжаю. Весь вечер Уильямсон провел как на иголках. На другое утро он ни свет ни заря был уже в магазине. И вот, представьте себе, в то же самое время, минута в минуту, колокольчик над дверью звякнул, и в магазин вошел тот самый странный посетитель. «Я ждал вас, сэр, — встретил его Уильямсон с суровостью в голосе. — Уверен, ваша жена прислала вас с новым необычным заказом».

Посетитель вздрогнул и пристально посмотрел на Уильямсона, но наткнулся лишь на еще более суровый вид. «Да, она прислала меня с новым заказом, — наконец произнес он. — Более того, она попросила меня отблагодарить вас за вашу доброту. Вот несколько шиллингов, и пусть этот славный букетик полевых колокольчиков и вики украшает не стены цветочного магазина, а стены вашего собственного жилища». — «Сэр, — поразился Уильямсон, — ваша жена сама выбрала эти цветы для меня?» — «Да, это ее выбор. А теперь позвольте мне перейти к заказу. — И, как и в прошлый раз, отогнув край перчатки, он прочитал: — Гвоздика садовая, шафран луговой, цветущая ветка дикой яблони, французские бархатцы, терн, скабиоза пурпурная и речная ива». — «Я так и думал, — покачал головой Уильямсон. — К сожалению, сэр, я не могу предложить вам дикой яблони и речной ивы — их нет в нашем магазине. Но вместо них извольте передать вашей жене вот это». — И он добавил к заказу одну, ровно одну китайскую астру и веточку белой омелы.

— Не очень-то он церемонится с покупателями, этот ваш Уильямсон, — заметил Фрейд, стряхивая пепел сигары на свои панталоны. — Это может пагубно сказаться на вашей репутации.

— Когда вы узнаете все обстоятельства дела, то поймете, что у него были на то веские основания, — возразил лорд Палмерстон.

— Тогда я хотел бы узнать эти обстоятельства. Ведь ваша история еще не закончилась?

— Отнюдь. Но она уже подходит к концу. Сегодня наш странный посетитель заявился снова — в последний раз. «Завтра я увожу свою жену далеко, очень далеко, — сказал он. — На прощанье она попросила меня, чтобы я принес ей последний букет. Но прежде...» — «Прежде, сэр?» — «Вот еще несколько шиллингов, купите себе или своей жене, если она у вас есть, одну розу и букетик фиалок». — «Простите, сэр, какого цвета должна быть роза?» — «Бледно-розовая. А фиалка обязательно должна быть дамской. Таково желание моей жены». — «А что она заказала для самой себя?» — «Мандрагору, ладанник, выюнок малый и мать-и-мачеху».

Услышав это, Уильямсон побледнел и задрожал как в ли-

хорадке. «Простите, сэр, но я не могу выполнить ваш заказ. К сожалению, в магазине сейчас нет этих цветов. Если вы согласитесь подождать до завтра...» — «Нет, — ответил посетитель. — Я же сказал, что увожу ее навсегда. Завтра цветы ей уже не понадобятся». — «Тогда позвольте, я бесплатно дам вам другие цветы. Уверен, ваша жена не будет возражать против такой замены». И он протянул посетителю роскошную корзинку с глициниями и французскими розами. Вот и все. Больше Уильямсон его не видел.

Лорд Палмерстон опять окинул нас внимательным взглядом и весело спросил:

— Ну, что вы скажете на это, джентльмены?

Фрейд погасил окурок сигары о соломенную ручку кресла, тщательно осмотрел его со всех сторон и спрятал во внутренний карман пальто.

— Если это шутка, — наконец проговорил он, — то я не понимаю, в чем ее соль. А вы, Смирнофф?

— Мне кажется, — осторожно сказал я, — за всем этим таится какой-то зловещий смысл.

— И вы совершенно правы, — подтвердил лорд Палмерстон. — Настолько зловещий, что, едва за странным посетителем закрылась дверь, Уильямсон запер ее изнутри, вышел через черный ход и поспешил на вокзал. Два часа пути — и вот он уже здесь.

— Так он здесь? — удивился Фрейд.

— Он пробыл совсем недолго. Это тот самый старичок, которого вы видели перед обедом. Это из-за него вам пришлось начинать обед без меня. Он был очень взволнован — поэтому я выслушал его перед тем, как идти к столу.

— И после того, как выслушали, вы со спокойной душой приступили к обеду? Тогда я не верю, что в этой истории было что-то зловещее, — заметил Фрейд.

— Напрасно. Рассказ Уильямсона произвел на меня сильное впечатление. Но прежде чем что-то предпринять, я должен был навести кое-какие справки. Я послал своего приказчика к Дженнингсу...

— Простите, сэр?

— Так зовут распорядителя садоводческого фестиваля... Итак, я послал приказчика к Дженнингсу и велел ему не возвращаться без гостевой книги фестиваля.

— Вы говорите загадками.

— А мне кажется, в этом есть логика, — сказал я. — Вы полагаете, сэр, что этот странный посетитель и его жена присутствовали на фестивале?

— Иначе каким образом эта леди — а я думаю, что она леди, — могла узнать о моем увлечении садоводством? — вопросом на вопрос ответил лорд Палмерстон. — В фестивале конкурсе я участвовал под псевдонимом, и в газетах мое имя по этому поводу не упоминалось. Только члены жюри и приглашенные гости знали, кто скрывается под этим псевдонимом. Члены жюри в расчет не принимаются: они местные. А все приглашенные гости зарегистрированы в гостевой книге.

— И теперь, — подхватил я, — стоит нам найти в гостевой книге супружескую чету из Лондона, покинувшую фестиваль не позднее, чем два дня назад...

— Все это прекрасно, — с раздражением перебил меня Фрейд, обращаясь к лорду. — Но почему она выбрала именно ваш магазин? — Вид у него был почему-то сердитый, и я решил, что он сердится на свою недогадливость.

Лорд Палмерстон внимательно посмотрел на него и вдруг расхохотался:

— Кажется, я понимаю, что вы хотите сказать, господин Фрейд. Почему она выбрала не призера, а того, кто не получил даже поощрительной премии, так? В том-то и дело, дорогой мой друг, что это незаурядная женщина. Мы родствен-

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

ные души: и меня, и ее влечет *bizarre**. Женщина с таким причудливым вкусом не могла следовать общему мнению, а именно на основе общего мнения распределялись премии на фестивале конкурсе. Там в моде выхолощенная симметрия, а я два года потратил на свой естественный ландшафт. Ах, доктор, если бы вы знали, сколько труда нужно вложить, чтобы ландшафт выглядел естественным!

— Ну хорошо, — согласился Фрейд. — Что же вы сделали дальше?

— Что я сделал дальше? Отдав необходимые распоряжения, я... выкинул всю эту историю из головы, во всяком случае на время, и, как вы сказали, со спокойной душой спустился к обеду. Да будет вам известно, что никакие неприятности не могут лишить меня аппетита и никакие передеряги не могут нарушить моего пищеварения.

— Похвальная стойкость, — пробормотал Фрейд.

Лорд Палмерстон пропустил его колкостями мимо ушей и, обращаясь к человеку с пышными бакенбардами, распорядился:

— Бэлфор, подайте мне гостевую книгу.

Приказчик, который все это время стоял по правую руку от хозяина на некотором расстоянии и в почтительном молчании, с готовностью шагнул вперед и раскрыл книгу. Изогнувшись дугой, он держал раскрытую книгу перед лордом, отличавшимся дальновзоркостью, и внимательно следил за его взглядом. Безошибочно угадывая момент, когда этот взгляд пробежал страницу до конца, он переворачивал страницу и снова следил за взглядом.

— А, вот! — наконец воскликнул лорд Палмерстон. — Бэлфор!..

И Бэлфор, тут же угадав, о ком конкретно речь, громко и торжественно, как будто он объявлял вновь прибывших на великосветском приеме, зачитал:

— Баронет сэр Томас Янг Брантон и леди Томас Брантон. Зарегистрированысь четырнадцатого числа сего месяца и пробыли в Хантингтоне до семнадцатого числа включительно.

— Сегодня двадцатое, а впервые странный посетитель появился в магазине два дня назад, то есть восемнадцатого. Джентльмены, это он!

— Позвольте, дорогой, — проговорил Фрейд, обращаясь к приказчику, — вы сказали, баронет Брантон? Я определенно слышал это имя и раньше.

— Может быть, вы просто встречали его в газетах? — высказал предположение лорд Палмерстон.

— Возможно. Впрочем, пустое... И что вы намерены предпринять?

— Ближайший поезд в Лондон отходит через час. Если вы успеете собраться за полчаса, мы могли бы поехать вместе. Я намереваюсь нанести баронету визит вежливости и засвидетельствовать ему свое почтение.

Но тут Фрейд замахал руками и решительно заявил:

— Нет, увольте! Это приключение не для старого ревматика. Тащиться неизвестно куда и неизвестно зачем. Уж я

* Странное (*ит.*).

Ж

Жасмин (*Jasminum gen.*): белый — любовь; желтый — грация, изящество.

Желтый нарцисс (*Narcissus pseudonarcissus*) — милый характер.

Жимолость (*Lonicera gen.*) — узы любви.

Жонкилия (*Narcissus jonquilla*) — желаю вернуть любовь.

З

Золотая розга, золотарник (*Solidago virgaurea*) — предосторожность; ободрение.

И

Иберийка, или перечник зонтичный (*Iberis umbellata*) — равнодушие, безразличие.

Иудино дерево, или багряник стручковый (*Cersis gen.*) — измена, обман.

Ирис (*Iris gen.*) — послание.

Ирис флорентийский (*Iris germanica florentina*) — пыл, страсть.

Исландский мох (*Citriaria islandica*) — здоровье.

К

Капуста кочанная (*Brassica oleracea capitata*) — прибыль, выгода, польза.

Кактус (*Opuntia gen.*) — тепло, теплота.

Кальцеолярия, или кошельки (*Calceolaria*) — храни это для (ради) меня.

Камелия красная (*Camellia gen.*) — превосходство без претензий.

Канареечник канарский, или канареечник птичий (*Phalaris canariensis*) — настойчивость, упорство.

Каштан благородный (*Castanea sativa*) — отдай мне справедливость.

Каштан — роскошь.

Кедр настоящий (*Cedrus gen.*) — сила.

Кедр ливанский (*Cedrus Libani*) — неподкупный.

Кедр, лист — я живу для тебя.

Кендырь (*Apocynum venetum*) — обман, фальшь.

Кизил (*Cornus gen.*) — прочность, долговременность.

Кизил настоящий (*Cornus mas*) — продолжительность.

Кипарис (*Cupressus gen.*) — смерть, отчаяние, скорбь.

Клевер (*Trifolium gen.*) четырехлистный — будь моей.

Клевер белый — думай обо мне.

Клевер красный — прилежание.

Клюква (*Vaccinium spp.*) — выносливость.

Козлятник лекарственный (*Galega officinalis*) — причина.

Колокольчик белый (*Campanula gen.*) — благодарность.

Колокольчик круглолистный (*Campanula rotundifolia*) — горе.

Колокольчики крупные — признательность.

Конопля (*Cannabis gen.*) — судьба.

Кореопсис (*Coreopsis gen.*) — всегда веселый, бодрый.

Кориандр (*Coriandrum sativum*) — тайное достоинство.

Корхорус (*Corchorus gen.*) — нетерпеливый в разлуке.

Кресс-салат (*Lepidium sativum*) — устойчивость, прочность.

Крокус, шафран (*Crocus gen.*) — не бранись.

Крокус весенний — радость юности.

Крокус шафранный — веселье, радость.

Куманика (*Rubus fruticosus*) — скромность; зависть; раскаяние, угрызения совести.

Л

Лавр (*Laurus nobilis*) — слава.

Лавровый венок — вознаграждение заслуг.

Лавровый лист — я изменю лишь в смерти.

Ладанник (*Cistus gen.*) — общая благосклонность.

Лапчатка ползучая (*Potentilla reptans*) — материнская привязанность.

Ледяник, или хрустальная трава (*Mesembryanthemum crystallinum*) — твой взгляд меня замораживает.

Лен (*Linum usitatissimum*) — пища, пропитание.

Лен — я чувствую обязательство.

Лисохвост (*Alopecurus pratensis*) — игра, веселье, забава.

Лобелия кардинальская, или кардинал (*Lobelia cardinalis*) — различение, отличие, знак отличия.

Ломонос (*Clematis spp.*) — духовная красота.

Ломонос вечнозеленый — бедность.

Любка двулистная (*Patanthera bifolia*) — веселость.

Люттик (*Ranunculus*) — одинокое блаженство.

Лядвенец рогатый (*Lotus corniculatus*) — месть, отмстка.

М

Магнолия (*Magnolia gen.*) — любовь к природе.

Мандрагора (*Mandragora gen.*) — ужас.

Маргаритка (*Bellis gen.*) двойная — участие.

Маргаритка садовая — я разделяю твои чувства.

Маргаритка, или глаз быка — знак, подарок на память.

Маргаритка частично окрашенная — красота.

Маргаритка белая — невинность, простота.

Маргаритка красная — бессознательный.

Маргаритка дикая — я подумаю об этом.

Мать-и-мачеха обыкновенная, или камчужная трава (*Tussilago farfara*), или копытень европейский (*Asarum europaeum*) — правосудие должно свершиться.

Мимоза (*Mimosa gen.*) — чувствительность.

Миндаль (*Amygdalus Communis*) — глупость, нескромность, неосмотрительность, болтливость.

Миндаль цветущий — надежда.

Можевелник (*Juniperus gen.*) — совершенство женщины.

Мох (*Muscus*) — материнская любовь.

Н

Наперстянка (*Digitalis purpurea*) — неискренность.

Нарцисс желтый (*Narcissus pseudonarcissus*) — уважение.

Нарцисс желтый, большой — рыцарство.

Незабудка (*Myosotis polustris*) — истинная любовь.

Ноготки (*Calendula*) — горе, отчаяние.

побуду лучше здесь, на солнышке... Уверен, господин Смирнофф с удовольствием составит вам компанию.

— Что вы на это скажете, господин Смирноу? — обратился ко мне лорд Палмерстон.

— Ну, если доктор меня отпускает...

— Поезжайте, поезжайте, Смирнофф, — сказал Фрейд. — Все равно вам нечем заняться, так хоть проветритесь. Баронет Брантон... Ума не приложу, где я мог слышать это имя...

Я поднялся к себе в комнату и быстро переоделся. Коляска уже стояла во дворе, и широкоплечий кучер восседал на высоком облучке. Лорд Палмерстон спустился через несколько минут, на ходу натягивая белые перчатки. Я заметил торчащий из левого рукава его узкого сюртука тонкий хлыстик, которым совсем недавно он постукивал себя по голенищу сапога. Коляска тронулась, и, выехав за ворота, мы направились к железнодорожной станции.

Когда мы сели в вагон, лорд сообщил мне, что с вокзала, взяв кеб, мы заедем в цветочный магазин за Уильямсоном, а затем отправимся по адресу, который был указан в гостевой книге: Чарринг-кросс, 19. Это займет минут сорок, и Уильямсон как раз успеет повторить свой рассказ специально для меня.

— Думаю, так будет лучше, — сказал лорд Палмерстон. — Я не слишком хороший рассказчик, если судить по тому, что мне не удалось уговорить доктора поехать с нами.

— Но вы многое опустили, ведь так?

— На то были свои причины. Но я не опустил ни одного видимого звена в цепочке событий, которые заставили двух джентльменов пуститься на поиски приключений. Что же до скрытого смысла этой истории, то пусть об этом расскажет сам Уильямсон.

Больше он не произнес ни слова до самого Лондона.

Мы прибыли на вокзал Виктория с обычным опозданием на четверть часа. Нанимая кеб, лорд Палмерстон посулил кебмену двойную плату, если он не будет жалеть своей клячи. Окованные железом колеса застучали по булыжной мостовой, за окнами замелькали дома, и уже через пятнадцать минут мы ворвались в тихую улочку с таким грохотом, который и умирающего заставил бы подскочить к окну. Из дверей магазинчика на шум выбежал совершенно лысый старичок и, увидав лорда, всплеснул руками:

— Вы приехали! Слава Богу!

— Садитесь живее, Уильямсон, если хотите успеть.

— Вы нашли его! — радостно воскликнул старичок. — Я всегда верил в вас, сэр!

В следующее мгновение противоположная дверца кеба распахнулась, и старичок протиснулся внутрь.

— Трогай! — крикнул лорд Палмерстон в окно. — Чарринг-кросс, девятнадцать!

Кеб рванул с места, а старичок залепетал, обращаясь к лорду:

— Как это великодушно с вашей стороны, сэр, что вы приняли близко к сердцу судьбу несчастной женщины. Я уверен, что с вашей помощью и с помощью вашего друга зло будет наказано и справедливость восторжествует.

Лорд Палмерстон нетерпеливо отмахнулся:

— Скажите, Уильямсон, вы ведь узнаете этого вашего посетителя?

— Я узнаю его из тысячи!

— Лучше вам не ошибиться. Вы же понимаете, что дело это весьма щекотливое. Собственно говоря, у нас нет никаких доказательств. И если мы ошибемся...

— Никакой ошибки быть не может, сэр! — горячо возразил старичок.

— Если мы ошибемся, — повторил лорд Палмерстон, повышая голос, — может разразиться грандиозный скандал. И я уже начинаю сомневаться в том, что все это не является лишь плодом воспаленной фантазии. Вы меня понимаете, Уильямсон?

— Сэр!.. — только и проговорил тот.

— У нас есть еще двадцать минут, чтобы поменять решение, — непреклонно продолжил лорд Палмерстон. — Убедите меня и господина Смирноу, что ваши подозрения имеют реальное основание, и мы, не колеблясь, выполним то, что велит нам долг. Но если ваши доводы не покажутся нам убедительными, то мы немедленно откажемся от этого предприятия и вернемся в Хантингтон.

С минуту старик молчал и затем заговорил дрожащим голосом:

— Вы правы, сэр, я не располагаю тем, что в Скотленд-Ярде называют вескими уликами. Все мои доказательства находятся здесь. — Он постучал себя согнутым пальцем по лысому черепу. — Они основаны на знаниях, которые не относятся к точным наукам, и на сведениях, которые покажутся смехотворными людям с учеными степенями. Их я не сумел бы убедить, но вас, сэр!.. с вашим сердцем! Видите ли, все дело в цветах. Они разговаривают с вами, если вы умеете понимать их. Все знают, что красные цветы означают любовь, а желтые — ревность. Однако язык цветов неизмеримо богаче и разнообразнее! Вы можете составлять из разных отдельных цветов целые послания. А обмениваясь цветами, вы можете вести диалог, и никто из посторонних даже не догадается, что за этим кроется нечто большее, чем просто взимные подарки.

— Постойте, — ошеломленно проговорил я, — вы хотите сказать...

— Заказы этой несчастной женщины не были простой причудой. Это были призывы о помощи, услышать которые мог только человек, знающий особый язык — язык цветов. Когда посетитель передал мне заказ своей жены, я почувствовал, как холодок пробежал у меня по спине. Олеандр — тамариск — амариллис — можжевельник... «Мне грозит опасность. Готовится преступление. Ожидаю защиты». Вот о чем кричали эти цветы! Осторожные расспросы позволили мне выяснить, что сам посетитель понятия не имел о заключенном в заказе его жены тайном послании. Это навело меня на мысль о том, что именно от него женщина скрывает истинный смысл этого заказа. И тогда, словно по наитию свыше, я предложил ему взять еще один букетик за счет магазина — анютины глазки и льняную метелку.

— Что означало?..

— «Вы овладели моими мыслями» и «я чувствую себя обязанным». Невпопад, конечно, но ничего более путного в тот момент просто не пришло мне в голову. Я рассчитывал, что если все это не плод моего больного воображения и в ее заказе действительно содержалось скрытое послание, то она обязательно даст мне об этом знать. И я не ошибся. На другой день посетитель пришел и от ее имени попросил, чтобы я купил себе полевые колокольчики и вику: «благодарность» и «ваше участие облегчает мои страдания». Она ответила мне! После чего он передал мне ее новый заказ: гвоздика садовая, шафран луговой, цветущая ветка дикой яблони, французские бархатцы, терн, скабиоза пурпурная и речная ива. Это означало: «увы моему бедному сердцу», «мои лучшие дни миновали», «дурная натура», «ревность», «жестокость», «я потеряла все». Это была целая повесть о несчастной любви, ревности и жестокости! И заканчивалась она страшными словами: «Я потеряла все, в том числе свободу». То есть он, муж, держит ее взаперти! Вот почему она не

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

могла передать обычную записку!.. Теперь я больше не сомневался в том, что этой женщине действительно угрожает серьезная опасность. И я составил для нее такое ответное послание: ровно один цветок китайской астры и белую омегу: «я подумаю об этом» и «я преодолю трудности». И вот сегодня я получил последний заказ, повергший меня в ужас: мандрагора, ладанник, вьюнок малый и мать-и-мачеха. Вот что это значит: «ужас», «я завтра умру», «ночь» и «правосудие должно свершиться». Но было еще и личное послание для меня — роза, и именно бледно-розовая, и дамская фиалка. Роза такой окраски означает: «если вы меня любите, вы сами найдете выход из положения»; дамская фиалка: «бдительность, осторожно!» То есть она прямо просила меня найти выход из создавшегося положения и предупреждала, чтобы я был осторожен! Джентльмены, я ответил корзинкой глициний и французских роз: «я льну к тебе» и «встреча при луне». То есть: «я приду, ждите меня вечером, с появлением на небе луны». И — поспешил в Хантингтон.

— И правильно поступили! — с жаром воскликнул я.

Старик посмотрел на меня с надеждой:

— Означает ли это, господин Смирноу, что вы на моей стороне?

— Без всяких сомнений! Вы можете рассчитывать на мою помощь.

— В таком случае, — заключил лорд Палмерстон, — я присоединяюсь к этим словам и прошу вас, господин Смирноу, и вас, Уильямсон, помочь мне предотвратить это ужасное преступление. Этого требует наш долг.

Минуты, последовавшие после этих слов, мы провели в молчании — тревожном и торжественном.

— Чарринг-кросс, девятнадцать! — объявил кебмен.

Лорд Палмерстон расплатился с ним, и кеб, горюхая, скрылся за поворотом. Я разглядывал окна второго этажа, закрытые белыми шторами, и спрашивал себя: что сейчас творится там, за этими белыми шторами?

— Очень надеюсь, что мы не опоздали, — пробормотал лорд Палмерстон, берясь за бронзовую ручку двери. — Старайтесь держаться в тени, Уильямсон. Не нужно, чтобы он сразу узнал вас. А вы, господин Смирноу, будьте готовы ко всему. Он может быть вооружен. Ну, с нами Бог! — И он громко постучал в дверь черенком хлыстика.

Отворили не сразу. Прежде чем за дверью послышались шаги, я успел подумать, что мы опоздали и все уже кончено. Но вот замок щелкнул, и в щель выглянула испуганная девушка с кружевным чепцом на голове. Лорд Палмерстон тут же вставил в щель ногу и надавил на дверь.

— Что вам угодно, господа? — взвизгнула служанка.

Лорд Палмерстон отодвинул ее в сторону вместе с дверью, в которую она вцепилась обеими руками, и стремительно вошел в прихожую. Толкаясь, мы с Уильямсоном протиснулись следом за ним.

— Что вам угодно, господа? Как вы смеете?!

— Перестаньте визжать, Салли! — сурово выговорил лорд

Одуванчик (*Taraxacum gen.*) — оракул, прорицание.

Омела белая (*Viscum album*) — я преодолею трудности.

Осина (*Populus tremula*) — жалоба, плач.

П

Пальма кавказская, или самшит (*Buxus gen.*) — стоицизм.

Папортник (*Filicales*) — искренность.

Папортник цветущий — очарование, обаяние.

Паслен сладко-горький (*Solanum dulcamara*) — истина, правда.

Первоцвет (*Primula veris*) и калужница (*Caltha palustris*) — задумчивость.

Первоцвет американский — ты мое божество.

Пихта бальзамическая (*Abies balsamea*) — нетерпение.

Пихта бальзамическая красная — не трагй меня; нетерпеливые решения.

Плевел (*Zolium gen.*) — порок, недостаток.

Плющ обыкновенный (*Hedera helix*) — дружба, верность, брак.

Примула аврикула (*Primula auricula*) — живопись.

Примула аврикула с зелеными краями — не докучай мне.

Примула аврикула алая — скупость, жадность.

Пролеска (*Scilla gen.*) — постоянство.

Пшеница — богатство.

Пшеница, переломленная — ссора, перебранка.

Пшеница, соломинка — согласие.

Р

Ракитник (*Cytisus gen.*) — опрятность, смирение, покорность.

Резеда (*Reseda odorato*) — ваши качества сопоступают вашему очарованию.

Репяшок обыкновенный (*Agrimonia eupatoria*) — благодарность.

Рожковое дерево (*Ceratonia siliqua*) — любовь за могилу.

Роза чайная, или роза китайская (*Rosa chinensis*) — красота всегда нова.

Ромашка (*Matricaria spp.*) и купавка (*Anthemis spp.*) — энергия в бедствии, несчастьях.

Рябчик (*Fritillaria gen.*) — преследование.

С

Салат-латук (*Lactuca sativa*) — холодное сердце.

Сирень обыкновенная (*Syrinea vulgaris*) — скромность, смирение.

Сирень пурпурная — первое чувство любви.

Сирень белая — невинность юности.

Скабиоза пурпурная (*Scabiosa atropurpurea*) — я потеряла все.

Смоковница, фиговое дерево, инжир (*Ficus gen.*) — плодородный, плодovitый.

Смородина (*Ribes spp.*) — ты доставляешь мне удовольствие.

Т

Терн, ветка — жестокость или суровость, строгость.

Тутовое дерево (*Morus gen.*): черное — я не переживу тебя; белое — мудрость.

Туя восточная (*Thuja occidentalis*) — неизменная дружба.

Тыква бутылочная, или горлянка (*Lagenaria*) — неуклюжий.

Тысячелистник (*Achillea millefolium*) — воина.

У

Утесник европейский (*Ulex europaeus*) — терпеливая привязанность.

Ф

Фенхель обыкновенный, или сладкий укроп (*Foeniculum vulgare*) — стоит любой цены.

Фуксия алая (*Fuchsia gen.*) — вкус.

Х

Хмель (*Humulus lupulus*) — несправедливость.

Хризантема белая (*Chrysanthemum gen.*) — истина, правда.

Хризантема желтая — хрупкая любовь.

Хризантема красная — я люблю.

Хризантема китайская — бодрость, веселья в бедствии, несчастьях.

Ц

Царские кудри, или златоцветник (*Asphodelus gen.*) — мои сожаления последуют за тобой до самой могилы.

Целозия гребенчатая, или петуший гребешок (*Celosia cristata*) — необычность.

Целомудренник (*Vitex agnus castus*) — холодность, равнодушие.

Цикламен (*Cyclamen gen.*) — различие, разногласие.

Цикорий полевой (*Cichorium Intybus*) — умеренность, скромность.

Цинерария (*Cineraria gen.*) — всегда яркий.

Цитрон, или сладкий лимон (*Citrus medica*) — красавица в дурном настроении, не в духе.

Ч

Черника (*Vaccinium myrtillus*) — предательство, вероломство.

Черное, или эбеновое, дерево (*Dyospiros gen.*) — чернота.

Чернушка («девица в зелени»), или нигелла (*Nigella gen.*) — замешательство, затруднение.

Чина многолетняя (*Lathyrus latifolius*) — длительное, постоянное удовольствие и назначенная встреча.

Ш

Шампиньон (*Agaricus campestris*) — подозрение.

Шиповник ржавчинный, или роза ржавая (*Rosa eglanteria*) — я ранен, чтобы исцелиться.

Ширица, или амарант хвостатый (*Amaranthus caudatus*) — безнадёжный, но не бессердечный.

Щ

Щавель (*Rumex gen.*) — терпение.

Э

Эндивий (*Cichorium endivia*) — умеренность, скромность.

Я

Яблоня (*Malus*) — искушение, соблазн.

Яблоня, цветок — предпочтение.

Яблоня, колючка — обманчивое обаяние.

Яблоня дикая, цветы — дурная натура.

Ясень (*Fraxinus gen.*) — величие.

Палмерстон. — Я не собираюсь причинять вам никакого вреда. Мне нужен баронет Брантон.

— Я не Салли! — крикнула в ответ служанка, но лорд Палмерстон, пропустив ее слова мимо ушей, грозно произнес:

— Так вы будете выполнять ваши обязанности, противная девчонка, или вы хотите, чтобы я вас выпорол?

Такой наглости от непрошенных гостей девушка явно не ожидала. Задохнувшись от возмущения, она стояла перед нами, красная как рак. Я видел, что лорд Палмерстон полон решимости и, если понадобится, готов двинуться в личные покои супруги баронета. Но до этого не дошло.

Из-за портьеры в конце коридора на шум вышел сам хозяин. Я сразу узнал его по описанию Уильямсона. Он был одет во все черное, и его черные глаза блестели лихорадочным блеском. Мне показалось, он не особенно удивился, увидев в прихожей трех незнакомых мужчин.

— Что вам угодно, господа? — произнес он ту же самую фразу, что и его служанка, но в его голосе звучала такая усталость, такая готовность ко всему, даже самому неожиданному, что я на мгновение смешался. И вправду, что мы делаем здесь, в чужом доме?

— Баронет, — решительно сказал лорд Палмерстон, — мы должны видеть вашу жену.

Во взгляде баронета выразилось удивление. Хотя еще мгновение назад я готов был поклясться, что его уже ничто не может удивить.

— Мою жену? — переспросил он. — Простите, господа, боюсь, я не вполне понимаю...

И снова в мою душу закралось сомнение. Уж не напутал ли чего старик Уильямсон?

— Нам нужно видеть вашу жену, — с расстановкой повторил лорд Палмерстон.

Теперь баронет поглядел на него с задумчивостью. Наконец он проговорил:

— Я вижу, вы знаете, чего требуете. Вероятно, у вас есть какие-то основания для того, чтобы поступать таким образом. Я хотел бы услышать об этих основаниях и надеюсь, они окажутся достаточно вескими. В противном случае, джентльмены, вы сами понимаете...

И тут старик Уильямсон, стоявший все это время в тени за моей спиной, не выдержал и подался вперед:

— Вы помните меня, сэр? Вы покупали у меня цветы.

Баронет явно узнал его. В его глазах мелькнула догадка:

— Так вы от лорда Палмер... — Он вопросительно уставился на лорда.

— Лорд Палмерстон к вашим услугам, баронет, — величественно сказал лорд Палмерстон. — Мы пришли, чтобы прояснить одно весьма щекотливое дело. Ваша жена пердала нам послание, в котором говорилось, что ей угрожает опасность.

— Каким образом она могла передать вам послание? — удивился баронет и теперь вопросительно посмотрел на служанку.

— Что вы, сэр! — тут же вспыхнула она. — Как вы могли подумать!

— Ваша служанка тут ни при чем, — опять вмешался Уильямсон. — Вы сами передавали мне послания вашей жены.

— Я? Сам?.. О чем вы говорите?

— Цветы, сэр. Я говорю о цветах.

И опять в глазах баронета мелькнула догадка. Он вдруг бросился в глубину квартиры и скрылся за портьерой. Мы с лордом Палмерстоном недоуменно переглянулись: не должны ли мы последовать за ним? Но тут баронет вернулся, держа альбом, украшенный флористическим орнаментом.

— Как же я сразу не догадался! — бормотал он, лихорадочно листая страницы. Потом вспомнил о закладке, раскрыл книгу в нужном месте и радостно воскликнул: — А, вот оно! Язык цветов. Теперь я понимаю, теперь я все понимаю!

— Зато я ничего не понимаю, — раздраженно сказал лорд Палмерстон. События разворачивались явно не так, как он предполагал.

— Что вам передала моя жена? — спросил баронет у Уильямсона.

— Что ей угрожает опасность и что сегодня ночью она должна умереть.

— И вы подумали, что я?..

— А что мы должны были подумать? — Вид у Уильямсона был одновременно упрямый и обиженный.

А баронет вдруг начал хохотать. Хохотал он так, что мне стало страшно. Он закрыл лицо руками, и плечи его содрогались, как от рыданий. Служанка с ужасом на лице бросилась вон из прихожей, и, признаться, я готов был сделать то же самое. Старик Уильямсон зажмурился, а лорд Палмерстон нервно сгибал и разгибал в руках хлыстик. Наконец баронет оборвал свой смех, отнял руки от лица, и я увидел, что глаза у него горят каким-то безумным весельем.

— Вы хотели видеть мою жену? — спросил он голосом, в котором слились мрачный сарказм, издевка и горечь. — Вы хотели ее видеть, джентльмены, не правда ли? Прошу! — И указал в сторону портьеры. — Что же вы, джентльмены?

Лорд Палмерстон решительно двинулся вперед. Я последовал за ним, а за мной, бесшумно как мышка, скользнул Уильямсон. Баронет провел нас по коридору до самого конца, пока мы не уперлись в двустворчатую дверь, закрытую на засов. Засовом служила обыкновенная каминная кочерга, просунутая в дверные ручки. Баронет выдернул кочергу и настежь распахнул обе створки.

Лорд Палмерстон встал как вкопанный. Уильямсон налетел на мою спину. Мы оказались у входа в дамский будуар. Повсюду были разбросаны скомканные платья, шляпные картонки, туфли. На разобранной постели сидела женщина — в одном нижнем белье, в спущенных до икр черных чулках. В первое мгновение мне показалось, что она мертвецки пьяна. Повернув голову в нашу сторону, она смотрела на нас тем равнодушным взглядом, какой обычно бывает у сильно пьяных женщин. Но потом я понял, что она вовсе не пьяна. Да, потом, разглядев троих незнакомых мужчин, внезапно оказавшихся в ее спальне, она даже не сделала движения, чтобы скрыть свою наготу. Напротив, на ее губах появилась хитроватая улыбка, она кокетливо потупилась, водя пальцем по ноге, и вдруг бросила в мою сторону такой игривый взгляд, что я, должно быть, мгновенно залился краской. Прежде мне доводилось ловить на себе подобные взгляды, но они никогда не принадлежали порядочным женщинам. А тут было другое, совсем другое...

Бедный баронет, внезапно понял я! Какую тяжесть приходится ему нести на своих плечах! Несомненно, эта женщина больна, больна душевно, больна настолько, что он вынужден держать ее взаперти. А ведь он любил ее, любит. Он собирается увезти ее, увезти далеко. Возможно, тот самый фестиваль садоводства они покинули на три дня раньше из-за внезапного обострения ее болезни. А мы подозревали его, выслеживали как дикого зверя. Проклятая добродетель, толкающая нас на жестокость!

— Думаю, вам лучше уйти, джентльмены, — сухо проговорил баронет, и эти его слова завершили немую сцену.

Не сговариваясь, мы почли за лучшее воздержаться от

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

извинений и поспешили вон из квартиры и из жизни баронета Брантона.

Замок в Хантингтоне был уже погружен во тьму. Лорд Палмерстон кивком головы попрощался со мной и ушел к себе. Пройдя в наши комнаты, я увидел, что Фрейд дремлет в кресле с закрытой книгой на коленях. Газовый рожок был наполовину приручен. Хотя я старался не шуметь, доктор вздрогнул и уронил книгу на ковер.

— А, это вы, Смирнофф. Проголодались? Я попросил прислугу оставить для вас холодной баранины.

Я почувствовал, что голоден как волк, и, даже не присаживаясь, принялся поглощать мясо, стоявшее на столе. Фрейд с удовольствием смотрел на меня.

— Я всегда считал, что все естественное — просто, — заговорил он, наблюдая за мной. — Причудливое говорит о болезненном. Когда вы вместе с лордом с такой поспешностью покинули замок, я принялся вспоминать, где же я слышал это имя — имя баронета Брантона. Мне казалось, что вот-вот я вспомню, но всякий раз догадка ускользала. Это продолжалось долгое время, и я до того издергался, что почувствовал настоятельную потребность успокоиться при помощи бутылки каберне. Но не успел я подняться к себе, как вспомнил! Да, я вспомнил, где слышал это имя. И тут же все встало на свои места. Во время моей первой поездки сюда в Лондон около года назад я получил записку от некоего баронета Брантона. Там содержалась просьба проконсультировать его по поводу психического расстройства его жены. С тем же посыльным я отправил ему ответ, где обозначил место и время встречи, а также указал сумму гонорара. Только потом я вспомнил, что на это самое время я приглашен виконтессой Болдуин на светский раут, где мог свести полезные знакомства и хорошо пообедать, но было уже поздно что-либо менять. Подошло время назначенной встречи. Прошло пять минут, десять, полчаса. Баронет не явился. Я был взбешен. Я лишился гонорара, полезных знакомств и сытного обеда. Поэтому вовсе не удивительно, что я поставился как можно скорее выкинуть этого баронета из головы. Но теперь, когда я вспомнил его и его жену, вся история, рассказанная лордом Палмерстоном, предстала передо мной в новом свете. Я не знаю, что там у вас произошло на самом деле, — судя по вашему молчанию, друг мой, совсем не то, что вы ожидали, иначе вы давно уже сами мне обо всем рассказали бы, — но я догадываюсь, что эта женщина дошла в своем безумии до того, что обвинила мужа в желании причинить ей какой-нибудь вред. Ведь так? Баронет собирался увести ее далеко и навсегда... В снах и бредовых фантазиях подобный отъезд обозначает смерть. «Завтра я должна умереть...» Ну а вы с лордом? Что может быть благороднее, чем спасти женщину от насильственной смерти? Пусть даже вообразимой... Ешьте баранину, мой друг, я вижу, вы сильно проголодались.